

— Лин Си, хватит уже вникать в свои дурацкие книжки! Быстро попробуй наш новый восстановленный персик!

Порыв ветра, пропитанный сладковато-кислым ароматом, с гулом пронёсся мимо и швырнул спелый плод прямо в подростка, сидящего на дереве. Солнечные лучи, словно золотистая вуаль, ложились ему на плечи. Он безошибочно, чисто и ловко поймал наливной персик тонкими пальцами с выраженными суставами и, не колеблясь ни секунды, поднёс ко рту.

«Хрусть!»

Громкий хруст раздался в тишине, и в ту же секунду книга выпала у него из рук и с высоты рухнула вниз, её страницы раскрылись в полёте, откуда замелькали яркие, аппетитные изображения: тушёная рулька, картошка с говядиной, свиные рёбрышки в кисло-сладком соусе, кукуруза в сливочной панировке...

Одна картинка вкуснее другой, только посмотришь, и слюни текут. И всё это на фоне отвратительного вкуса во рту, от которого желудок тут же скручивает, словно его выворачивает наизнанку.

- Буэ-э-э... Угх!..

- Кхе-кхе-кхе!

В холодном поту Лин Си вскочил и схватился за край койки дрожащими руками. Его несколько раз сухо вырвало, но ничего не вышло. Вкус персика, казалось, до сих пор стоял у него во рту — горький, терпкий, с каким-то онемением на языке. Стоило хоть чуть-чуть вспомнить, что это было, как тут же подкатывал новый приступ.

Прижав ладонь к животу, он с трудом подавил накатывающее тошнотворное ощущение и мысленно проклял своих никудышных коллег-учёных последними словами.

Земля в эпоху апокалипсиса оказалась подвержена тотальному загрязнению, и натуральные продукты практически исчезли. Ради выживания человечество работало день и ночь, культивируя и восстанавливая разнообразные виды пищи. Обычным людям приходилось довольствоваться лишь питательными смесями, обеспечивающими минимальный уровень энергии, а редкие овощи и фрукты доставались исключительно привилегированным слоям общества.

Вот почему, даже зная, что коллеги из исследовательской группы использовали его как подопытного кролика, Лин Си каждый раз снова попадался на их уловки, а вдруг именно этот экземпляр окажется удачным?

Тяжёлые шаги вывели его из раздумий. Старая деревянная дверь со скрипом отворилась

снаружи, и Лин Си резко вскинул голову, в глазах мелькнул отблеск настороженности. В комнате царил полумрак, лишь немного приглушённого оранжевого света просачивалось сквозь щели в дырявом окне, ложась пятнами на стены, как изъеденные молью осенние листья.

— Ай, ну слава небесам, очнулся наконец! Ещё бы чуть-чуть, и я за лекарем побежала бы, — проговорила женщина в грубой льняной одежде, с полной фигурой и кожей, потемневшей от постоянного солнца и ветра. По ее лицу расплзлись редкие пятна от загара, но ни покраснений, ни следов болезни видно не было.

Лин Си родился в 330 году после начала конца света. Население Земли с тех пор пережило кардинальные перемены, многие народы и языки канули в Лету. Оценивая всё происходящее по собственным знаниям, он пришёл к выводу, что женщина говорит, по-видимому, на каком-то местном диалекте. Судя по тому, как женщина жестикулировала, Лин Си смог примерно уловить смысл её слов. Он скользнул взглядом по непривычной обстановке вокруг, на незнакомые стены, тусклый свет, посторонние запахи, и вновь сосредоточился на женщине, решив пока затаиться и просто наблюдать.

— Как тебя звать? Откуда ты родом? В семье кто-то остался? Как в воду-то угодил? — засыпала его вопросами женщина. В ответ получила только пустой, немного растерянный взгляд, чистый и ясный, будто смотрит на неё не юноша, а ребёнок.

Она подошла ближе, встала у изголовья и с подозрением вгляделась в его лицо, затем пробормотала себе под нос с оттенком досады:

— Неужто умом тронулся?

Прошло почти полчаса. У женщины уже пересохло во рту от расспросов, но она так и не добилась ни одного вразумительного ответа. Вместо слов только молчание да всё тот же непонимающий взгляд. Она уже начала закипать от раздражения, как вдруг раздалось громкое урчание.

Живот у юноши предательски громко подал голос.

Поймав на себе внимательный взгляд женщины, он смутился, прикрыл живот рукой и опустил голову, выставив напоказ тонкую белую шею. Его полупрозрачные уши начали наливаться румянцем, словно лепестки, тронутые закатом. Такой кроткий и застенчивый вид немного остудил её пыл. Голос её смягчился, и она ласково сказала:

— Ты подожди, сынок, тётушка сейчас каши тебе сварит.

В доме вновь воцарилась тишина. Лин Си сбросил с лица послушно-скромное выражение, опустил голову и потянул за рукав грубой, латаной рубахи. Тихо спустился с постели, босиком бесшумно подошёл к окну и медленно распахнул его.

На горизонте плыли краски заката, багрово-оранжевые всполохи заливали небо, точно кто-то ослепительно ярко окрасил его соком клёна. Лин Си прищурился, прикрывая глаза рукой, и, дождавшись, пока зрение привыкнет к свету, начал вглядываться в окружающий мир. Неровный, перекошенный частокол, захламленный двор, под навесом сушатся овощи, несколько кур и уток свободно разгуливают по собственному помёту. В воздухе стойкий, въедливый запах, от которого хотелось отвернуться.

Типичный деревенский двор бедняков, да ещё и неряшливых: птицу не загоняют, за ней не убирают, бочка для питьевой воды без крышки, по ободку паутина. Одежда на бамбуковой жерди висит измятая, капли воды с неё всё ещё падают на землю.

Взгляд скользнул за низенький частокол, туда, где виднелись соседние дома. Крайний дом стоял не ближе сотни метров. Сгустились сумерки, последний проблеск света утонул за горизонтом. Небо сменилось луной и звёздами, и в этот миг в глазах Лин Си мелькнула острая, хищная холодность.

Вдалеке виднелись всего два дома из серого кирпича с чёрной черепицей, остальные же постройки были из самана и соломы - бедняцкие хижины.

Пальцы, сжимавшие подоконник, резко сжались. Острая щепка впилась в кожу, дерево рассекло палец, и на свет показались капли алой крови. Боль пронзила кожу, и Лин Си, вздрогнув, осознал: всё это не сон.

Неужели это и есть то самое, о чём всегда только слышал в легендах, — перемещение сквозь время?

Он опустил взгляд на палец... но раны больше не было. Кожа гладкая, как и прежде. Значит, тело по-прежнему его, прежнее. И, что удивительно, совершенно целое, не разорванное в ключья переходом сквозь временные потоки, как он себе представлял.

— Чего это ты босиком? — раздался резкий, хриловатый голос, прозвучавший почти как окрик.

Женщина бесцеремонно подтолкнула его обратно к постели, нагнулась к сундуку, вытащила оттуда пару старых башмаков с прорехами и кинула их к его ногам:

— Надевай, пойдём ужинать.

Он не понял слов, но смысл уловил. Ботинки, похоже, чьи-то старые, заброшенные давно: пыльные, растрёпанные, явно не предназначенные для ношения. Лин Си с подозрением уставился на них, вдруг в них грибок? Только этого не хватало.

— А где моя одежда? — спросил он, показав на себя и жестами изобразив переодевание.

Женщина и не подумала вникнуть в суть. Глаза её вспыхнули, и она, вся просияв, с восхищением шагнула к нему:

— Так ты, оказывается, разговаривать умеешь! Ты откуда родом, сынок? И говоришь так славно! — прищурившись, принялась с новым интересом его разглядывать.

— Ты откуда родом-то? Говор у тебя такой... прямо ухо радует, — с неподдельным любопытством спросила женщина.

Она снова внимательно посмотрела на Лин Си, чем дольше глядела, тем больше он ей нравился. Она пододвинула к нему чашку с едой, не скрывая доброжелательности:

— Давай-давай, ешь скорее, пока не остыло.

Лёгкий аромат тонкой струйкой проник в его ноздри - мягкий, сладковатый, почти призрачный, как из сладкого сна, что приходит в самую глухую ночь. Этот запах был знаком каждому, кто родился в Китае, от него невозможно было отказаться, невозможно забыть, невозможно не любить. Это был... рис.

Настоящий, варёный белый рис.

В мире, где продовольствие исчезло, где всё живое выжигалось, а поля давно не знали урожая, рис стал пищей богов, драгоценностью, доступной лишь избранным. Таким, как Лин Си, приходилось довольствоваться питательными смесями, меняя их вкус для разнообразия, но не суть.

Запах риса ударил по воспоминаниям, словно кинжалом в сердце. Руки дрогнули, когда он потянулся за чашкой. Горячий пар поднялся и мгновенно намочил его густые тёмные ресницы, тонкие веки заплескались влагой, будто от внутреннего дождя. На его левом веке чётко выделялась маленькая родинка, при каждом взмахе ресниц она исчезала, точно жемчужина, спрятанная в раковине.

Женщина поначалу подумала, что он какой-нибудь потерявшийся молодой господин из приличной семьи. Да, одежда у него странная, и причёска не как у местных, зато ткань на одежде на диво тонкая и плотная, шита руками мастера, каковых она отродясь не видывала. Значит, парень из хорошей семьи, это уж точно.

Но ведь какой уважающий себя молодой господин станет есть такую деревенскую бурду? В чашке был не свежий рис нового урожая, а давным-давно собранное старое зерно. Её сын, например, к такой каше и близко не притронулся бы, сразу начал бы жаловаться, что першит в горле. А этот выхлебал до последней капли, да ещё и улыбнулся так, будто только что вкусил лучшего яства на свете.

Женщина, разумеется, не могла знать: для человека, выросшего в мире апокалипсиса, где рис был почти мифом, пусть даже жиденькая, постная рисовая похлёбка уже блаженство. Ему бы и лузгу от зерна подай, съел бы с благодарностью.

А Лин Си как раз находился в том возрасте, когда организму особенно нужно питание. Одна чашка каши, конечно, не могла насытить его. Но он прекрасно понимал: ждать добавки бессмысленно, не та обстановка. Да и просить неудобно. В деревне каждая крупинка на вес золота, и если кто-то из крестьян без веской причины отдаст еду постороннему, это всё равно что сердце вырвать. Только если в голове зреет какой-то план, тогда могут пойти на такое «расточительство».

Когда женщина закрыла за собой дверь и вышла, то едва не врезалась в мужчину. Она взвизгнула от неожиданности и с ходу отвесила ему звонкую затрещину по спине, сдержанным шёпотом прорычав:

— Ты с ума сошёл, а?! Придавить меня хотел?

Мужчина втянул голову в плечи и, заикаясь, пробормотал:

— Я... ну, ты всё не выходишь и не выходишь... Вот я и подумал, что вы там, может, чего затеяли...

Не дав жене и рта раскрыть, муж уже сунулся вперёд, глаза его жадно заблестели:

— Ну что, узнала, кто он такой? Откуда взялся?

Женщина фыркнула, закатила глаза, взяла пустую чашку, из которой Лин Си съел всю кашу до дна, и унесла её на кухню. Оглядевшись по сторонам, она убедилась, что никого нет поблизости, и только тогда заговорила, понижая голос:

— Он нашего наречия не понимает, и я его тоже. Говор у него какой-то странный, вроде знакомый, будто где-то слышала, но вспомнить не могу. И говорит он не так, как мы, голос у него мягкий, очень... приятный. Да и с виду не похоже, чтобы из бедной семьи был.

У мужика глаза так и вспыхнули, он с воодушевлением потирал ладони, алчность и нетерпение буквально пылали в его взгляде:

— Тогда не тяни, зови Шуныцзы обратно, надо срочно свататься, пока другой не увёл! А то, как говорится, ночь длинна, снов много*, всё может случиться.

(ПП: «Ночь длинна, а снов много» — китайская идиома. Изначально означавшая, что долгая ночь склонна к многочисленным сновидениям, сейчас она часто используется для описания тенденции к неблагоприятным переменам или несчастным случаям, когда время

затягивается.)

Женщина, хоть и загорелась мыслью, всё же оставалась более осторожной:

— А если... если он вовсе не из приличной семьи? Или... не чист?

— Подумай сама, — мужчина подался вперёд, — какой порядочный, знатный господский гер вот так просто в реку свалится. А ведь я его голыми руками вытащил!

Фу, бабы...Мужчина с досадой шагнул вперёд, с гневом ткнул пальцем в грудь жены:

— Дунчжи, нашему Шуньцзы уже скоро тридцать, а даже те, кто детей своих продаёт, как семья Ма, и те нос воротят, не хотят своего гера за него отдавать! Ты что, хочешь, чтоб он до конца жизни холостяком прозябал? Роду Чжан нужно продолжение, ты это понимаешь?!

В глазах Чжао Дунчжи мелькнула тревога, она непроизвольно сжала платок в руках. Муж прав: их сын уже прогнал двух жён, местные только услышат его имя и всё, сразу всё ясно. Им действительно остаётся рассчитывать только на чужака без корней и без поддержки.

А этот гер, надо сказать, на диво хорош собой, видно, не из бедных. Сейчас он, может, и упрямится, но выйдет замуж, родит ребёнка и сам смирится. А там, если вдруг и объявятся родственники, они, может, и руку подадут, поднимут всю семью. Что если... им действительно улыбнулась удача?

Чжао Дунчжи чувствовала, как сердце её начинает колотиться всё сильнее, будто богатство и почёт уже маячили на горизонте. Подавив внутреннее отвращение к Лин Си, она с мужем тут же начала обсуждать, как поскорее устроить свадьбу. Утром она отправится к свахе, а муж в уезд, искать Шуньцзы по трактирам и игорным домам.

Оба супруга, упиваясь своими мечтами, не подозревали, что все их расчёты до последнего слова были услышаны. Лин Си, присев под окном, в полной тишине слушал их разговор.

Лин Си нахмурился: что это они там, чёрт побери, нащёптывают? О чём так таинственно переговариваются? Он с трудом, по обрывкам, разобрал несколько слов: «женитьба», «ночь... сон...», «род... продолжение...».

С его уровнем интеллекта — первым в школе! — несложно было прикинуть: скорее всего, в доме намечается свадьба. Может, хотят выдать дочь? Или ждут невестку? Ночь длинна, снов много... продолжение рода...

Если соединить всё это воедино, выходит, что супружеская парочка решила срочно сыграть свадьбу ради потомства?

Лин Си почесал подбородок, вглядываясь в темноту. Он чувствовал, что всё понял верно. Но... если речь идёт просто о семейном торжестве, зачем же так прятаться, красться, шептаться на кухне, будто заговорщики?

— Сынок! Сынок, ты где?!

Вдруг раздались взволнованные оклики. Лин Си прищурил свои узкие, как лезвие, глаза феникса и, ступая по траве в свете луны, неспешно вышел из тени.

— Чего это ты выскочил наружу? — на лице Чжао Дунчжи ещё не успело исчезнуть раздражение, и Лин Си уловил это мгновенно.

Юноша же лишь застенчиво улыбнулся, поднял руку и указал на луну в небе, словно бы просто любовался её красотой, весь вид у него был поэтический, мечтательный, совсем не по-деревенски отстранённый.

Чжао Дунчжи с облегчением выдохнула, она уже начала бояться, что парень сбежал, но, видно, зря волновалась. Этот юноша, похоже, и правда не ведаёт, насколько коварны могут быть людские замыслы. Чтобы не возникло лишних осложнений, она торопливо, с нарочитой лаской, уговорила Лин Си вернуться в дом и лечь отдыхать, велела ему беречься, залечивать раны и не бегать без нужды.

□

Ночь опустилась на деревню. Всё стихло, куры и утки уже давно вернулись в загон. За окном раздавалось лишь редкое стрекотание насекомых да лёгкое посвистывание ветра.

Лин Си подошёл к двери, толкнул её — не поддалась. Он потянул сильнее. Заперто.

Заперто? Почему?

Неужели... они действительно положили на него глаз и хотят силой оставить в доме?

Судя по его наблюдениям, он попал в общество с низким уровнем производительных сил. В таком укладе семьи, как правило, выдавали дочерей замуж, получая за них выкуп, чтобы на вырученные средства женить сыновей и растить потомство. А случаи, когда в дом брали зятя, редкость. И даже тогда выдвигались строгие условия: зять должен быть сильным, выносливым, трудолюбивым.

А ему самому всего восемнадцать лет и три месяца. Телосложение ещё не сформировалось окончательно, тело хрупкое, тонкое. Сразу видно: ни тяжести не поднимет, ни плуг не потянет. Про работу в поле и говорить нечего.

А что касается общественного положения, знатности, заслуг — он ведь вообще кто? Парень неизвестного происхождения, которого вытащили из реки. Да его, по всем меркам, могли бы первым делом принять за шпиона из вражеского государства и то было бы не удивительно.

Как ни посмотри, в зятя его брать никто бы не стал.

Разговаривать он с ними толком не может, языка не знает, и вникать в подробности происходящего сейчас совершенно нет желания. Ночь, ветер, тьма — момент подходящий. Убедившись, что из главного дома доносится громкий, ровный храп, Лин Си лёгкими, бесшумными движениями выбрался через окно.

На землю он приземлился без единого звука. Но тут же сжал грудь, сдавленно закашлялся, всем усилием воли подавляя першение в горле, не позволяя себе даже охнуть.

Рано он расслабился... Повреждений избежать не удалось. Переход сквозь пространство и время всё же не прошёл даром. Он привалился спиной к стене и в спешке начал проверять тело. Из уголка губ уже сочилась тягучая, тёплая кровь с привкусом железа. Лин Си стер её тыльной стороной ладони, а его бледные губы мгновенно окрасились ярким алым пятном.

Повреждения были внутренними. По сути, при его уровне восстановления, если бы он пробыл в состоянии сна ещё хотя бы неделю, организм полностью залечил бы сам себя. Но не повезло, он очнулся раньше срока, прямо в разгар регенерации.

Из-за слишком высокого болевого порога, в момент переноса его истощённое, обезвоженное тело оказалось настолько слабо, что мозг автоматически подавил болевые сигналы, лишь бы он не умер от шока. Теперь же, с опозданием, волна боли обрушилась на него с полной силой. Лин Си стиснул зубы до скрипа, почти разгрыз их, лишь бы не издать ни звука.

Он рухнул у стены и в изнеможении сполз вниз. Холодный пот лился с него градом, одежда прилипла к телу, промокшая насквозь, хоть выжимай. Трава у его ног была вырвана, истоптана в клочья, но он не вымолвил ни слова, не охнул.

Если бы у Лин Си была прабабушка, в этот миг он, пожалуй, уже бы с ней встретился.

После долгой минуты мучений приступ начал отступать. На востоке показался слабый отблеск зари. Юноша, цепляясь за стену, с трудом поднялся, ноги дрожали, но он стоял. Он знал: нужно уходить немедленно. Если вторая волна боли настигнет его в пути, выбраться уже не удастся.

Ступая босыми ногами по вязкой, сырой деревенской дороге, он неожиданно ощутил под ногами нечто очень простое, но живое — землю. Холодное утреннее дуновение проникло за ворот, грубая, топорная одежда не спасала от ветра. На зелёных, сочных ростках риса поблёскивали прозрачные, хрустальные, как бусины, капельки росы.

Лин Си постепенно сбавил шаг. Наконец, он остановился и встал на краю поля, глядя вперёд. Безграничная ночь отступила, словно занавес, и вот уже над горизонтом поднимается солнце, заливая землю светом, прогоняя сырость и тьму, принося с собой тепло и надежду. Он стоял, словно зачарованный, глядя на бескрайние ряды рисовой рассады. Яркая, сочная зелень окружала его со всех сторон, а солнечные лучи ложились на неё так ослепительно, что невозможно было отвести взгляд.

Так много ростков... Так много риса...

Так много... будущих тарелок с белоснежной, душистой рисовой кашей.

Сердце бешено заколотилось, Лин Си прижал ладонь к груди, словно пытаясь унять этот дикий стук. Впервые в жизни он почувствовал настоящее, простое, глубокое волнение. Настоящее желание жить.

— Держите его! Быстро!

— Убегать надумал?! Да я тебе ноги перелломаю!

— Схватите! Только лицо не портите!

Послышались гулкие, торопливые шаги, грубые, громкие, надрывающиеся крики разрывали утреннюю тишину. Лин Си резко обернулся. Впереди всей толпы мчались Чжао Дунчжи и её муж, за ними ещё несколько деревенских мужиков. Видимо, решили, что сбежавшего «зятя» пора вернуть.

<http://bllate.org/book/13580/1204843>